

УДК 94(470)

Сибиряков И.В.

Севастополь и севастопольцы: проблемы локальной советской идентичности

В докладе проанализированы некоторые проблемы формирования особой модели советской локальной идентичности. Ее наиболее важные составляющие проанализированы на примере города Севастополь. С использованием широкого круга самых разнообразных исторических источников показана трансформация этой модели на разных этапах существования советского государства. Особое внимание в докладе уделено выявлению роли наиболее известных памятников архитектуры и музеев Севастополя в формировании такой модели.

Ключевые слова: дискурс, идентичность, культурная память, Севастополь

Сибиряков Игорь Вячеславович,
Россия, Южно-Уральский государственный университет, профессор

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-01-00219

UDC 94(470)

Sibiryakov I.V.

Sevastopol and Sevastopol: local problems Soviet identity

The report analyzes some of the problems of formation of a special model of the Soviet local identity. Its most important components are analyzed by the example of the city of Sevastopol. With the use of a wide range of a variety of historical sources shows the transformation of the model at different stages of the Soviet state. Special attention in the report is given to the identification of the role of the most famous monuments and museums of Sevastopol in the formation of such a model.

Keywords: discourse, identity, cultural memory, Sevastopol

Sibiryakov Igor V., Russia, South
Ural State University, Professor

The publication was prepared
within the framework of a re-
search project supported by
the RHF №15-01-00219

CDU 94(470)

Sibriakov I. V.

Sebastopol y sus habitantes: problemas locales de la identidad soviética

En la ponencia se analiza algunos problemas de la formación del modelo específico de la identidad local. Sus elementos principales se muestran a través de la ciudad Sebastopol. Al utilizar un amplio círculo de fuentes históricas, el autor revela la transformación de este modelo en las etapas diferentes de la existencia del Estado soviético. En la formación de tal modelo, se presta una atención peculiar a los monumentos arquitectónicos y a los museos de Sebastopol.

Palabras-clave: Discurso, identidad, memoria cultural, Sebastopol.

Sibriakov Igor Vecheslavovich:
Profesor de la Universidad
Estatad de los Montes Urales

La publicación fue preparada
con apoyo al proyecto
científico №15-01-00219

Советский социально-политический проект был построен на основе особых идентификационных моделей. «Специфика формирования новой идентичности в 1920-е гг. связана была с Гражданской войной, явившейся не только идейно-нравственным столкновением различных социальных групп и слоев, но и духовно-нравственной; агитационно-пропагандистской борьбой за умы, сознание и психологию общества. Для советской власти, в первую очередь, стояла задача формирования макросоциальной идентичности, которая давала бы определенные образцы и стереотипы поведения, ценностные ориентиры и т.д.» [11]. Среднестатистический советский человек особенно на первом этапе существования СССР должен был отождествлять себя в первую очередь с такими глобальными конструкциями, как «Советский Союз» или «коммунистическая партия», «Коминтерн» или «рабочий класс», «мировая революция» или «мировая война». Разрыв или существенное ослабление традиционных социальных связей внутри семьи, родного города или деревни, этнической или религиозной общности должен был способствовать формированию совершенно новой культуры, новой модели поведения, нового человека.

Одной из наиболее важных особенностей такого человека была готовность к радикальному изменению образа и места жизни. Необходимость становления именно столь динамич-

ной модели развития социума впервые наиболее ярко проявилась при переходе от традиционного общества к обществу индустриальному. Советский эксперимент усилил проявившиеся на этой стадии процессы, придав многим из них глобальный характер. Советскому государству, особенно на первых этапах его существования, были необходимы люди способные по первому призыву власти уехать далеко от своей исторической малой родины, радикально изменить свой образ жизни и систему ценностей. Государство прилагало большие усилия для формирования и воспитания таких людей.

С другой стороны, в сложившейся ситуации локальная идентичность могла стать важным элементом стратегии выживания тех социальных групп, которые в условиях глобализации экономических и политических процессов, происходящих в стране, искали способы минимизировать их разрушающие последствия. Эти группы населения были ориентированы на региональное культурно-историческое и социальное пространство, воспринимая его как наиболее естественную и комфортную для них среду проживания.

Однако, как справедливо заметила Е.В. Черненко, на определенных этапах общественного развития и властные структуры государства «становятся заинтересованными в возникновении региональной идентичности, которая становясь социальной реальностью,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

позволяет: достичь социально-политической целостности регионального сообщества, решать мобилизационные задачи общества и государства, сохранять преемственность общественного (регионального) развития» [10].

Не случайно в 30–50-е гг. XX в. процессы формирования локальной советской идентичности приобрели особенно интенсивный характер, и часть из них достаточно ярко проявилась в истории города Севастополь. С одной стороны, Севастополь был типичным советским городом, который за свою «советскую» историю пережил три волны радикального обновления состава населения.

Первая была связана с трагическими событиями гражданской войны и превратила Севастополь в одну из самых известных точек («исхода») участников белого движения из России.

Вторая с не менее трагическими событиями Великой Отечественной войны, которые привели к огромным человеческим жертвам среди защитников города в 1941–1942 гг., оккупации города и его героическому освобождению в 1944 г.

Третья с процессами восстановления разрушенного города, которые продолжались несколько послевоенных десятилетий и привлекли в город представителей самых разных социальных групп населения из разных регионов страны.

Но, с другой стороны, Севастополь, безусловно, имел и свою специфику развития, которая во многом определялась

его статусом российского морского порта, крупнейшей базы черноморского военно-морского флота и «закрытого» советского города, чья жизнь и деятельность, долгие годы была напрямую связана с интересами безопасности страны.

В результате Севастополь занял особое место не только в военной истории Советского Союза, но и в культурной памяти советского социума, став для нескольких поколений жителей, защитников и освободителей этого города, важной точкой локальной и социальной идентификации. От этой точки выстраивались многие ментальные, психологические и культурные конструкции, способные обеспечить сохранение и воспроизведение той особой системы ценностей, что формировала советскую локальную идентичность для севастопольцев, и продолжает оказывать влияние на многие процессы, происходящие сегодня в этом городе.

Становление особой советской модели «севастопольской» идентичности шло очень болезненно и противоречиво. Первоначально оно было связано с преодолением тяжелых последствий гражданской войны, восстановлением разрушенного хозяйства и формированием нового советского образа Севастополя. Естественно, что основу этого образа должны были составить события, связанные с революциями, красным движением и формированием нового советского флота. При этом значительная часть населения

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

города, которая, так или иначе, была связана со «старым» до-революционным и довоенным Севастополем город уже покинула и не смогла в него вернуться. Для многих «новых» севастопольцев точками идентификации стали новые названия улиц и площадей города, новые памятники, новые литературные и музыкальные произведения, посвященные Севастополю.

Процесс формирования новых культурно-исторических практик шел в Севастополе и в хронологическом, и в территориальном аспектах очень неравномерно. Он затрагивал в первую очередь культурное пространство центра города, которое было в основном сформировано еще в дореволюционный период. Оно было местом проживания, и службы наиболее обеспеченной части населения, что вызывало социальное напряжение в отдаленных от центра районах.

Уже 14 декабря 1920 г. приказом Севастопольского ревкома местному драматическому театру, основанному еще в 1911 г., было присвоено имя российского революционера, советского государственного деятеля А.В. Луначарского.

3 января 1921 г. решением Севастопольского революционного комитета улица Екатерининская, названная в честь российской императрицы Екатерины II, была переименована в улицу Ленина.

14 ноября 1923 г. останки П.П. Шмидта и его товарищей по севастопольскому вооруженному восстанию 1905 г. были пере-

захоронены в Севастополе на городском кладбище Коммунаров. Памятник на их могиле был сделан из камня, ранее стоявшего на могиле командира броненосца «Князь Потемкин-Таврический», капитана 1-го ранга Е. Н. Голикова, погибшего в 1905 г.

В 1932 г. на площади Нахимова был установлен памятник В.И. Ленину, созданный по проекту скульптора В.В. Козлова «на средства трудящихся города» [3, с. 41].

Но вот, что показательно, при всех масштабных разрушениях эпохи гражданской войны и «перегибах» нового культурного строительства, в Севастополе сохранилась часть названий, памятников и культурных практик, напрямую связанных с дореволюционной историей города и, в первую очередь, с Крымской войной 1853–1856 гг.

Нетронутым остался знаменитый «Памятник затопленным кораблям», созданный по проекту скульптора академика А.Г. Адамсона, архитектора В. А. Фельдмана и военного инженера Ф.О. Энберга еще в начале XX в. Переименования не затронули знаменитый «Малахов Курган», «Графскую пристань» и ряд других «знаковых» для Севастополя мест. До 25 июня 1942 г. продолжала работать панорама «Оборона Севастополя», созданная основоположником русского панорамного искусства, профессором класса батальной живописи Петербургской Академии художеств Ф.А. Рубо, и открытая 14 мая 1905 г. Показательно, что панорама

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

«Оборона Севастополя 1854-1855 гг.» сумела сохранить свое особое место в культурной жизни города и страны в 20-30-е гг. XX в. В 1924 г. панораму посетили – 51396 человек, в 1932 г. – 182347, в 1935г. – 236507, в 1937 г. – 263307 и в 1938г. – 293940 человек [1, Л. 18].

Ученые давно обратили внимание на то, что геокультурные, геополитические образы и символы региона «тесным образом связаны с культурно-историческими традициями конкретной территории» [9]. В связи с этим особое значение в развитии локальной идентичности имеет обращение к исторической памяти. «В ней заложены представления о победах после поражений, величие после унижений. Именно эти глубинные исторические аспекты сакрального начинают работать на формирование идентичности» [8].

История Крымской войны была локализована в исторической памяти жителей уже советского Севастополя, как история героической обороны города, сопричастность с которой, хотя и носила условно географический характер, тем не менее, придавала городу особый статус. Героизм первых защитников Севастополя создавал особое социо-культурное локальное пространство, которое не было разрушено даже в ходе «культурной революции» 30-х годов.

Понятие «наследники» героев первой обороны Севастополя оказалось очень востребовано в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на огромные потери, которые понесли жите-

ли и защитники Севастополя в 1941–1942 гг., они воспринимали вторую оборону Севастополя, как естественное продолжение героической традиции XIX в., превращавшей Севастополь в уникальный город Советского Союза, ставший городом-героем двух военных компаний, при этом обе компании с формальной точки зрения, закончились поражением защитников города.

Эта уникальность стала важнейшим фактором формирования второй севастопольской модели локальной идентичности, реализованной в годы войны. Однако ее носители к 1944 г. к моменту освобождения города остались в очевидном меньшинстве. Те, кто действительно мог назвать себя «Севастопольцем» даже с формально-географической точки зрения к моменту освобождения города осталось совсем не много. За два года фашистской оккупации почти 45 тысяч жителей Севастополя были вывезены в Германию, 25 тысяч погибли. «После первой обороны в городе оставалось 14 строений, а после его освобождения в мае 1944г. уцелело несколько полуразрушенных зданий и три тысячи жителей» [6, с. 15].

Л.С. Соболев после освобождения Севастополя писал: «Город на скалах – он сам стоял в двух оборонах, как скала, город у моря – он сам несет в себе душу моря, бессмертную, гордую и отважную. Город южного солнца – он сам сияет в веках ослепительным блеском военной доблести. И вот, что

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

осталось нынче от него: скалы, море, да солнце. Да бессмертная слава, которая возродит эти груды камней» [7].

Не случайно уже вскоре после освобождения Севастополя возникла идея не просто восстановления, а строительства совершенно нового города, который должен был символизировать величие и могущество страны, победившей фашизм, особую роль в этой победе И.В. Сталина. Один из основателей Союза архитекторов СССР Г.Б. Бархин разработал проект такого «восстановления» Севастополя, но он встретил серьезное сопротивление, в первую очередь среди жителей Севастополя. Главный архитектор Севастополя Ю.А. Трутман «не только поставил под сомнение московское видение Севастополя, но так же, сумел взять под контроль процесс проектирования, обозначив экономическую и моральную выгоду от соблюдения местных традиций и сохранения истории» [4, с. 139]. Историческая составляющая стала фундаментом того, что журналисты часто называли «духом Севастополя».

Как точно заметил К. Куоллс: «Война породила нестабильность в обществе, разрушила многие признаки самобытного характера. Поэтому проектировщики сосредоточились на создании «местных» форм, нежели чего-то по своему существу «общенационального». Если новые жители будут эмоционально привязаны к своему родному городу, они захотят усерднее трудиться, что бы уви-

деть его обновленным. Руководители Севастополя, особенно Траутман, использовали данный принцип как преимущество» [4, с. 140].

Максимальная локализация героического прошлого региона или даже страны в масштабах одного города требовала сохранения или создания таких символов, которые с одной стороны, должны были иметь ярко выраженные узнаваемые локальные особенности, а, с другой, легко и естественно восприниматься представителями других регионов, как универсальные.

Восстановление Севастополя привлекло в город огромное число молодых людей, для которых этот город не был так называемой «малой родиной». Житель Севастополя А.Н. Лубянов вспоминал: «здесь происходит какая-то историческая ассимиляция. ... После войны отсюда выселили татар, греков, болгар и сюда пошли люди с севера, с Урала. Мой отец приехал сюда с Дальнего Востока, мать приехала с Иваново. Здесь они нашли друг друга, и получилась семья. Севастополь для них стал каким-то своим домом. ... Люди, которые приезжают сюда, я это заметил, становятся другими. Город заставляет как-то по-другому относиться к жизни ... люди, которые приезжают в город в первую очередь хотят увидеть корабли ... «дайте посмотреть корабли». Город был основан как база черноморского флота, как военно-морская крепость. Здесь все ... все сводится к флоту и военному делу.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В другом городе это не чувствуется. Это не чувствуется в Москве, это не чувствуется в Новороссийске, это не чувствуется в Ялте, в других городах. Они другие. И только здесь это чувствуется совсем иначе, потому что здесь было две обороны, потому что здесь были: гражданская война, куча событий ... когда было трудно страна его всегда была к нему...» [5].

Новые жители Севастополя не просто восстановили его улицы, площади, предприятия, они стали новой очень важной частью его жителей и создали новую модель «внутреннего» и «внешнего» восприятия этого города. Эта модель вновь удивительным образом объединила дореволюционную, военную и послевоенную историю города, закрепив в сознании «новых» севастопольцев и «гостей» города его особый статус, как города – крепости, города – революционного порта, города – защитника, города строителей коммунизма.

Своеобразными символами такого образа Севастополя стали: целая серия послевоенных «переименований» улиц и площадей города, подробно описанная в статье К.Куоллса [4], а также восстановление панорамы «Оборона Севастополя», которая была торжественно открыта в 1954г.; мемориальная доска и два якоря, установленные в 1955 г. на подпорной стене набережной Приморского бульвара в память о трагических событиях 1905г.; новый памятник адмиралу П.С. Нахимо-

ву, открытый в 1959 г.

Новую «советскую» составляющую героической истории Севастополя в первую очередь символизировала диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944г.», открытая 4 ноября 1959г. С момента открытия диорамы началось негласное «соревнование» между коллективами двух самых известных севастопольских музеев. Согласно отчету Севастопольского экскурсионного бюро в 1959г. диораму посетили 439 экскурсионных групп, а панораму 6618 [2, л. 3]. Примечательно, что в год открытия диорамы, панораму посетило 614909 человек, а диораму – 52555 человек. Но в следующем году ситуация изменилась. Количество посетивших панораму в 1960г. уменьшилось до 593717 человек, а количество посетивших диораму увеличилось до 449137 человек. И все-таки именно панорама «Оборона Севастополя» была и остается самым популярным среди туристов и жителей города музеем Севастополя.

Другие советские памятники послевоенного Севастополя (Памятник героям-комсомольцам – скульптор С.А.Чиж и архитектор В.И.Фомин; обелиск городу-герою Севастополю на мысе Хрустальном и т.д.) дополнили культурно-историческую среду Севастополя, но архитектурными символами города, на наш взгляд, так и не стали.

После того, как Севастополь вновь стал «закрытым» советским городом, модель его восприятия кардинально уже не менялась. Новые миграционные

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

волны эпохи «позднего» Советского Союза Севастополь почти не коснулись, что позволило создать в городе совершенно уникальную социальную и культурную атмосферу. Она была хорошо воссоздана в одной из самых знаменитых советских оперетт «Севастопольский вальс», а так же в целом ряде других музыкальных произведений советских авторов [8, с.27–29].

Житель Севастополя А.Н. Лубянов вспоминал: «Севастопольцы всегда были рады гостям. Для нас понятия «мигранты» как для Западной Европы не существовало. Человек, который приехал к нам всегда воспринимался как человек, приехавший с открытой душой. Может быть поэтому, мы, в большинстве своем воспринимали этих людей как родственников, как близких друзей. Я помню, что так было всегда. Особенно это было заметно до того, как в наш город приехали иностранцы...» [5].

Не случайно, многие жители послевоенного Севастополя воспринимали историю возрождения Севастополя, как «чудо», а его дальнейшее развитие, как один из наиболее успешных вариантов становления социалистического (а некоторые считали и коммунистического) города.

Таким образом, история советского Севастополя, на наш взгляд, дает пример формирования и развития нескольких моделей локальной советской идентичности, которые с одной стороны, имеют много типичных для советской эпохи черт, а, с

другой, являются уникальными.

К числу наиболее типичных черт «севастопольской» модели идентичности, на наш взгляд, можно отнести, во-первых, ее достаточно строгую географическую локализацию, которая обеспечивает разделение даже таких понятий, как «Севастополь» и «Крым». Во-вторых, незначительную социальную стратификацию жителей советского Севастополя, для многих из которых решающим фактором идентификации являлось отношение к флоту. В-третьих, слабая роль национально-этнической составляющей в «севастопольской» идентификационной модели.

Уникальность советской севастопольской модели идентичности во многом связана с особым статусом Севастополя, как базы советского черноморского флота, с героической обороной Севастополя в 1941–1942 гг. и не менее героическим его освобождением в 1944г., удивительной историей его возрождения в послевоенные годы. Базовыми для этой модели, по нашему мнению, являются три компонента. Во-первых, восприятие населением Севастополя своего города, как флотского экипажа, со свойственными для данной социальной группе правилами поведения. Во-вторых, отсутствие у какой-либо группы населения Севастополя «монопольного» социального права на формирование и защиту позиции всех «севастопольцев». В-третьих, огромная роль исторической составляющей в сохранении собственной культур-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ной традиции и в воспитании новых поколений жителей советского Севастополя.

Эта особая локальная идентичность получила закрепление не только в литературных, скульптурных, музыкальных образах Севастополя, созданных в советские годы, но и в целой системе культурно-исторических прак-

тик советской эпохи. Такая идентичность не была разрушена даже в самый разгар социалистических экспериментов, став важным элементом своеобразной стратегии выживания городского социума в условиях форсированной модернизации советского общества.

Библиографический список

1. Государственный архив города Севастополь. Ф.Р-567. Оп.4. Д.1.
2. Государственный архив города Севастополь. Ф.Р-183. Оп.1. Д.141.
3. Доронина, Э.Н., Ляхович, А.А. По улицам Севастополя: путеводитель. – Симферополь, 1983. – 112 с.
4. Куоллс, К. Создание и реконструкция памяти о городе-герое Севастополе // Новейшая история России. – 2011. – №1. – С. 138–145.
5. Лубянов, А.Н. Интервью. [Электронный ресурс]. – URL: <http://oral-history.ru/ru/lubyanov-an.html> (дата обращения 8 мая 2016 г.)
6. Ольшевский, В.Ф. Севастополь. Путеводитель. – Симферополь, 1981. – 104 с.
7. «Правда» – 1944. – 7 июля.
8. Сибиряков, И.В. Образы Севастополя в музыкальных произведениях советских авторов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – № 3 – С. 25–33.
9. Федотова, Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации / Н.Н. Федотова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.globalculture.ru/filosofija-globalizacii/n-n-fedotova-krizis-identichnosti-v-uslovijah.html> (дата обращения 8 мая 2016 г.)
10. Черненко, Е.В. Формирование социального и концептуального пространства региональной идентичности в исторической перспективе / Е.В. Черненко [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/941> (дата обращения 8 мая 2016 г.)
11. Шалаева, Н.В. Формирование идентичности в советском культурном пространстве 1920-х годов / Н.В. Шалаева [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/906> (дата обращения 8 мая 2016 г.)

References

1. *Gosudarstvennyiy arhiv goroda Sevastopol*. [State Archive of the City of Sevastopol]. F.R-567. Op. 4. D. 1.
2. *Gosudarstvennyiy arhiv goroda Sevastopol*. [State Archive of the city of Sevastopol]. F.R-183. Op. 1. D. 141.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

3. Doronina, E.N., Lyahovich, A.A. *Po ulitsam Sevastopolya: putevoditel*. [In the Streets of Sevastopol: Guide]. Simferopol, 1983. 112 s.

4. Kuolls, K. *Sozdanie i rekonstruktsiya pamyati o gorode-geroe Sevastopole*. [Creation and Reconstruction of the Memory of the Hero City of Sevastopol]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2011. no 1. S. 138–145.

5. Lubyaynov, A.N. Intervyu. [Elektronnyiy resurs]. URL: <http://oral-history.ru/ru/lubyaynov-an.html> (data obrascheniya 8 maya 2016 g.).

6. Olshevskiy, V.F. *Sevastopol. Putevoditel*. [Sevastopol. Guide]. Simferopol, 1981. 104 s.

7. «Pravda». ["True"]. 1944. 7 iyulya.

8. Sibiryakov, I.V. *Obrazyi Sevastopolya v muzyikalnyih proizvedeniyah sovetskikh avtorov*. [Images of Sevastopol in the Musical Works of Soviet Authors]. *Bulletin of South Ural State University. Ser. Social sciences and the humanities*. 2015. no 3. S. 25–33.

9. Fedotova, N.N. *Krizis identichnosti v usloviyah globalizatsii*. [Identity crisis in the context of globalization]. N.N. Fedotova [Elektronnyiy resurs]. URL: <http://www.globalculture.ru/filosofija-globalizacii/n-n-fedotova-krizis-identichnosti-v-usloviyah.html> (data obrascheniya 8 maya 2016 g.).

10. Chernenko, E.V. *Formirovanie sotsialnogo i kontseptualnogo prostvanstva regionalnoy identichnosti v istoricheskoy perspektive*. [Formation of Social Space and a Concept of Regional Identity in a Historical Perspective]. E.V. Chernenko [Elektronnyiy resurs]. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/941> (data obrascheniya 8 maya 2016 g.).

11. Shalaeva, N.V. *Formirovanie identichnosti v sovetskom kulturnom prostvanstve 1920-h godov*. [Formation of Identity in the Soviet Cultural Space 1920]. N.V. Shalaeva [Elektronnyiy resurs]. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/906> (data obrascheniya 8 maya 2016 g.).